

«Сегодня»

ЗЛОБА ДНЯ

15

(Начало на стр. 3)

— Я вам могу напомнить, что еще два года назад я был объектом омерзительнейшей кампании, для прозведения которой избрали журнал «Крокодил». Я не знаю, кто инспирировал эту кампанию. Меня обзывают письмами американского империализма, отщепенцем, достигшим Эвереста предательства, призывают привязать меня к позорному столбу, плевать мне в лицо от имени народа и так далее. И все это печаталось на протяжении нескольких месяцев.

— И все это в «Крокодиле»? И два года назад?

— Да, всего два года назад. В 1988 году, когда моя жена Майя впервые поехала в Союз после изгнания. Она приехала в Москву в январе, и именно в январе опубликовали первую подборку в «Крокодиле». После этого они каждый месяц печатали так называемые подборки так называемых писем трудящихся.

— Любопытно, пришел ли вам сейчас «Крокодил» поздравления или нет?

— Да, и впрямь любопытно.

— Вопрос, который многих интересует: есть ли у вас американское гражданство?

— До прошлого года я был без гражданства, так называемым «резидентом». Разумеется, не в нашем смысле слова — не разведчиком, а человеком, имеющим только вид на жительство. Вообще я был «беспаспортным» бродягой. Американское гражданство я получил лишь в мае прошлого года.

— Могу ошибиться, но мне кажется, что двойное гражданство не разрешено ни нашим, ни американским законодательствами.

— К сожалению, вы правы. Ни та, ни другая сторона не признает двойное гражданство. И это порождает определенную двусмысленность в нашей ситуации. Я лично не собираюсь отказываться от американского гражданства. Я прожил в Штатах многие годы, и было бы актом элементарной неблагодарности отказаться от гражданства страны, которая протянула тебе руку в самый драматический период твоей жизни. Но все это, по сути дела, мало что меняет. Оно имеет отношение к чисто формальной стороне дела. Я не думаю, что я сейчас вернусь в Россию насовсем, забросив все свои дела здесь, свою «здесьнюю» жизнь. Я просто не могу этого сделать. У меня здесь дом, постоянная работа, моя студенты, литературные дела, театральные и телевизионные проекты...

— Позвольте вас перебить. Не все наши читатели знают о вашей работе и ваших литературных проектах.

— Я являюсь профессором университета Джорджа Мэйсона, это не ординарная профессура. В университете создана группа представителей различных профессий, в задачу которой входит, если можно так выразиться, создание интеллектуального климата. Это особенно почетная функция, предполагающая и особый процесс избрания. Кроме того, я веду семинары по русской литературе, начиная от «серебряного века», а вернее даже от Гоголя и Достоевского, а также семинары о творческом письме, то есть самом литературном процессе. Но мое основное дело — это, конечно, писание романов. Мое постоянное издательство в Штатах — «Рэндом хаус». Телевизионные задумки проходят с трудом и тянутся долго. Главная трудность — поиск денег. В одном из виноградников театров собираются ставить мою пьесу.

— Можно ли суммировать ваше нынешнее положение следующим образом: американский гражданин и русский писатель с открытой постоянной визой в Союз?

— Если бы это было так, то было бы просто замечательно. Мне хотелось бы проводить как можно больше времени в России, восстановить связи с ее повседневной жизнью, ибо, как я ощущаю, я оторвался от нее. За десять лет зарубежья бывали моменты, когда Россия казалась нам расположенной на какой-то отдаленной планете. Были периоды абсолютной изоляции. Почти никто не приезжал к нам. Оторванность от русской жизни приводила к тому, что Россия превращалась для меня из реальной страны в какую-то мысленную. Однажды моя связь с русской культурой не только не ослабла за эти годы, но, пожалуй, еще больше усилилась. Сейчас для меня очень важно восстановить связь с самой Россией. Я хочу путешествовать, наблюдать вплотную то, что происходит на «горбачевской» Руси, и даже, возможно, захотеть писать. Не исключаю я и такое: годы идут, мы все стареем и, быть может, стоит выходить в отставку где-то поближе к родным местам.

— Многие представители русской культуры зарубежья говорят о том, что предпочитают доживать свой век на Западе, а вот умирать — вернувшись на родину. Мне кажется, что это попытка оправдать

ся и выиграть время. Смерть на Западе, как и акт рождения, не говоря уже о жизни, куда «комфортабельнее», чем в России. Женщина на Западе не ревет белугой во время родов, ибо анестезия здесь на высоком уровне. Новорожденный имеет вдоволь и молока, и витаминов, и одноразовых подгузников, которые не менее важны, чем пресловутые одноразовые шприцы. Ну а смерть — хотя она смерть есть — умудряется выглядеть прилично. Милосердия на Западе не меньше, чем денег. Медицина, психология, религия облегчают уход на тот свет менее варварским способом, чем у нас.

— Но в проблеме возвращения «блудных сынов» поневоле есть другая, более важная сторона. Наши люди, чего скрывать, в обиде на вас. Вот, мол, мы добились свободы, вернули вам гражданство, а вы все не едете к нам насовсем. Обидно как-то. Наших людей можно понять. Можно понять и то, почему они уже первый

**Василий
Аксенов:**

ОСТАЮСЬ РУССКИМ ПИСАТЕЛЕМ

Все будет зависеть исключительно от того, где тебе лучше пишется.

— Существует и такая проблема, которую некоторые конфузливо обходят: даже духовные пастыри живут не духом единственным. Они тоже имеют право на материальное благополучие. Россия по бедности своей, хотя среди россиян и были великие меценаты, не могла сполна одаривать своих гениев. Многие гении были ей просто не по карману. Тот же Шаляпин, тот же русский балет. А в наше время, скажем, Ростропович, Барышников. Русских литераторов это касается меньше, но тем не менее проблема существует. От нее никак не уйдешь.

— Что касается Шаляпина, то я думаю, что если бы старое русское дореволюционное общество сохранилось, то он в основном жил бы в России, и она платила бы ему сполна. Он, конечно, путешествовал бы, был бы мировым певцом, но жил бы все-таки в России. Конфликт его был не с платежным ведомством, а с советской властью. Но, конечно, я с вами согласен: страна, народ, публика должны платить своим «звездам». «Звезды» должны получать достойное их вознаграждение везде и во всем: в спорте, балете — короче, во всем, в соответствии с их звездным статусом. Конечно, в Америке это доходит иногда до абсурда. И вообще Америка склонна к гиперболам. Звездная болезнь в Америке доходит иногда просто до идиотских масштабов, когда, скажем, за маленькую роль, сыгранную в кино, актер получает 60 миллионов долларов. Это уже гомерическое проявление американской одержимости. Но в принципе вы правы. И думаю, если в России развитие пойдет нормальным путем, люди станут получать по заслугам.

— Вернемся от материки к духу. Вы говорили о том, что хотели бы подольше пожить в России, попутешествовать по ней, восстановить разорванные временем связи и даже пописать на русской земле. Есть ли у вас какие-нибудь конкретные идеи нового романа?

— В начале мая я закончил новый роман, вернее, первый том задуманной трилогии. Я решил податься в классику. А без трилогии в классику не берут. И вот я засел за сагу, за историю семьи знаменитого московского хирурга, точнее, за историю трех поколений потомственных интеллигентов-врачей, живших в сталинское время. Сага будет охватывать годы с 1925-го по 1953-й. Это будет хроника жизни русской интеллигенции в эпоху сталинизма.

— Вы уже связались с каким-либо нашим издательством на предмет опубликования первой книги вашей трилогии?

— Нет еще. Кстати, это также пример моего некоего отрыва от советской жизни. Дело еще и в том, что в Союзе скопилось колоссальное количество моих писаний, которая только сейчас начинает выходить в свет. Это то, что раньше было запрещено. Было вообще немыслимо представить себе эти книги напечатанными в Союзе. Ведь еще совсем недавно за хранение таких моих романов, как «Ожег» или «Остров Крым», можно было схлопотать тюремный срок.

— Как вы назвали вашу новую работу — трилогию и ее первый том?

— Пока что вся эта история называется «Поколение зимы». Звучит не совсем по-русски, скорее как переводное с английского. Впрочем, так оно и есть. Роман вырос из задуманной мной серии для американского телевидения. Сейчас рабочее название трилогии «Московская сага». Название первой книги «Градовы, смена вех».

— Роман с сатирическим уклоном?

— Нет, нет — это написано в абсолютном отходе от моей гротесковой манеры. Это сугубо реалистический роман, лишь с небольшими «выпадами».

— Думаю, не надо быть очень прозорливым, чтобы догадаться: династия Градовых-хирургов пройдет через круги ада — «врачей-отравителей» Фрунзе, 1937 год и «врачей-отравителей» под занавес сталинской тирании в 1952—1953 гг.

— События, упомянутые вами, — это канва всего романа...

Я еще раз поздравляю Василия Аксенова с тем, что он вновь гражданин Советского Союза («читайте, гайдуйте...»), что кончились его физическое отлучение от Родины и родной литературы. И на сей раз, будем надеяться, навсегда. Хотя ничто необратимо в нашей жизни за исключением времени.

**Мэлор СТУРУА.
Вашингтон**

На СНИМКЕ: Москва, 1989 год. В. Аксенов и О. Табаков после спектакля «Затворенная бочкотара» (по Аксенову) в театре-студии п/р Табакова.

Фото О. Межецкого.